

Доктор Марк Дженнингс, Марк, Лекция 8,

Марк 4:1-34, О притчах

© 2024 Марк Дженнингс и Тед Хильдебрандт

Это доктор Марк Дженнингс в своем учении по Евангелию от Марка. Это сессия 8 по Марку 4:1-34, О притчах.

Здравствуйте, рад снова быть с вами, поскольку мы продолжаем наше изучение Евангелия от Марка.

До этого момента, в первых трех главах, основное внимание было сосредоточено на действиях Иисуса в его публичном служении. Мы видели множество чудес, экзорцизмов и противостояний между ним и религиозными лидерами. С четвертой главой Марка мы немного переходим к особой форме его учения, которое представлено в притчах.

Теперь, одна из вещей, которую мы видим у Марка, типично Марка с его притчами, он использует их повсюду; вы увидите, что Иисус использует их на протяжении всего своего служения как способы выступить против, если хотите, религиозных лидеров. Однако в четвертой главе Марка использование притч немного отличается. Оно имеет более обучающий аспект, предназначенный также для его учеников.

И Марк делает нечто похожее на Матфея, а именно берет эти притчи и размещает их в основном в одной главе. Матфей делает это в 13 главе Матфея, и мы видим это в 4 главе Марка. Итак, мы немного переходим от действий Иисуса к некоторым учениям Иисуса в особой форме его учения, которая является притчами.

По этой причине нам может быть полезно потратить немного времени на размышления о притчах и использовании Иисусом притч, прежде чем мы рассмотрим пару примеров в четвертой главе Евангелия от Марка. Притчи Иисуса, возможно, являются наиболее известными из его учений. Даже если кто-то ничего не знает об Иисусе, есть вероятность, что он что-то знает о его притчах.

Например, добрый самаритянин, блудный сын, горчичное зерно. Это термины, которые вошли в наш язык, в наше понимание вещей. Например, есть общества или группы, которые называют себя добрыми самаритянами.

Это уже комплимент, или возвращение блудного сына, фраза, часто используемая в разговоре. И Снодграсс, профессор Снодграсс, который делает замечательную работу по притчам, выпустил книгу под названием «Истории с

намерением», которая, я думаю, является очень хорошим резюме. Он делает следующее заявление.

Если верно, что Иисус — это вместилище, в которое каждый теолог изливает свои идеи, то притчи — это кувшин, который они часто используют для изливания. Дело в том, что в притчах есть что-то, что является точкой входа, если хотите, в обсуждение Иисуса. И вы можете понять, почему.

Они эффективны. Они эффективны отчасти потому, что это истории. И как повествование они рисуют мир, в котором человек может столкнуться с идеей, быть поглощенным идеей.

Это особая форма дискурса, в которой истина облечена в историю. Знаете, я думаю о хорошей проповеди. Часто хорошая проповедь имеет сильную иллюстрацию, которая передает истину или историю, или передает истину в истории.

И поэтому он передает идею с помощью метода, отличного от простого прямого провозглашения истины. И я думаю, что это одна из приманок притч. Есть косвенный путь, который происходит между учителем и его учениками, в случае Иисуса, или толпами с притчами.

Очень легко сделать заявление, и когда кто-то делает заявление, возникает сопротивление. Это становится почти естественным. Я живу в Новой Англии в северо-восточной части Соединенных Штатов, и подозрительность и скептицизм являются добродетелями в этой области.

Если кто-то что-то говорит, то естественный ответ, вероятно, не является правдой. Но история делает что-то другое. История проникает через заднюю дверь, если хотите.

Кьеркегор говорит о силе истории, где вы почти становитесь частью правды, даже не подозревая об этом. В этой истории есть что-то менее оскорбительное или более захватывающее. Но, конечно, притча — это не просто история.

В самом широком смысле это относится к расширенной аналогии. И я вернусь к обсуждению определения притчи немного позже. Но это расширенная аналогия.

Он стремится сделать риторический вывод. Знаете, притчи Иисуса по большей части предполагают общий референт. Они предполагают Царство Божие.

Иисус часто использует притчи, чтобы объяснить природу и качество или характеристики Царства Божьего, или, по крайней мере, представить картину

Царства Божьего. Они рассказываются намеренно, другими словами. И они исторически закреплены.

Они исходят из контекста первого века. Они имеют смысл в контексте первого века. И это всегда одна из проблем в толковании притч: попытка понять исторический контекст притчи без простого вливания понимания вещей 21-го века.

Некоторые из них довольно прямолинейны. Некоторые имеют нюансы. Знаете, их великое множество.

Другим трудно определить, в чем именно заключается намерение. И даже притчи, которые в основном о понимании чего-то, это не беспричинное знание. Они взаимодействуют со слушателем таким образом, что слушатель поймет.

Теперь, когда мы смотрим на толкование притч, например, с исторической точки зрения, я думаю, нам нужно знать о двух общих тенденциях последних столетий. Во-первых, тенденция большинства толкователей притч до конца 19-го века заключалась в их аллегоризации. То есть, чтобы различные элементы притчи обозначали что-то или символически представляли что-то.

Это прочтение истории. Это не обязательно было там, что-то, что не обязательно было там, часть намерения Иисуса. Теперь, аллегорический подход, похоже, имеет некоторые корни в самом Иисусе.

Есть несколько притч, одну из которых мы рассмотрим сегодня, где Иисус очень много дает символ и значение. Когда мы смотрим на Притчу о сеятеле, например, он дает репрезентативные значения. И это, казалось бы, в какой-то момент оправдывает аллегорический подход.

Трудность в том, что Иисус не предлагает интерпретацию всех своих притч одинаково. Существует огромное разнообразие притч. Я склонен предполагать, что Иисус давал интерпретацию для тех притч, которые требовали аллегорического подхода.

А те, которые не сделали, он не сделал. Однако нам также нужно понимать, что эта аллегорическая тенденция к концу 19-го века в значительной степени основывалась на предположении, что существовало четверичное значение Писания. В течение длительного периода Церкви Писание могло толковаться как имеющее буквальное, то, что оно на самом деле могло бы сказать, аллегорическое значение, то есть символическое значение того, что могли представлять различные элементы, этический подход, который говорил бы о том, как человек затем изменил или понял свой мир, и небесную идею, которая могла бы описывать духовное существование.

Итак, вы имели в этом четырехкратном значении Писания, все Писание толковалось в течение многих столетий в соответствии с процессом, который включал аллегорическое понимание. Поэтому неудивительно, что притчи, особенно, оказались очень поддерживающими или восприимчивыми к конкурирующим аллегориям. Достаточно интересно, что конкурирующие аллегории могли быть приняты.

Не было редкостью иметь различные аллегорические толкования притч, и это каким-то образом казалось прекрасным и приемлемым подходом. Так что на протяжении большей части веков Церкви, толкуя притчи, вы толковали их, аллегоризируя их. Однако второй подход, который начал появляться около 19 века, был отказом от аллегоризации современными учеными.

В частности, Адольф Юлихер в конце 19 века задался вопросом, как Иисус, будучи простым галилеянином, вообще мог преподавать в такой сложной манере. Это было началом ответа на Просвещение и вызовом Иисусу как учителю, который имел бы метод, который позволил бы более масштабные аллегорические учения. Так, особенно те притчи, которые были длинными и затянутыми, которым придавалось символическое значение, начали представлять идею, что это должно быть продуктом Церкви.

Возможно, очень простые притчи, те, которые кажутся более пословичными по своей природе, могли бы иметь больше смысла от простого галилеянина. Во многих отношениях, даже несмотря на то, что аргументы Юлихера больше не имеют власти, спор о толковании притч был установлен между аллегоризацией и отказом от аллегоризации или аллегорических методов как любой части намерения Иисуса в учении. И я поднимаю это, потому что этот спор затем сосредотачивается вокруг вопроса о том, насколько притча значима для понимания.

Действительно ли элементы в притче обозначают что-то? Есть ли соответствие между образом и реальностью? Если есть соответствие, кто отвечает за это соответствие? Ответственен ли читатель за это соответствие? Ответственен ли Иисус за это соответствие? Это возвращает меня к этому вопросу. Что такое притча? Имейте в виду, что вряд ли я могу сказать что-то, что было бы верно для всех притч. Фактически, любое определение, которое слишком широко, чтобы охватить все притчи, вряд ли может быть вообще полезным.

И каждая притча должна быть рассмотрена сама по себе. Мы просто не можем довольствоваться, например, определениями, что притчи — это земные истории с небесным смыслом. Это правда, но есть еще кое-что.

Это не так полезно. Многие притчи не о небесах. Они о жизни на этой земле.

Они больше, чем иллюстрации. Они, безусловно, таковыми являются. Некоторые притчи — это метафоры.

Некоторые из них являются сравнениями, но некоторые притчи делают больше. Они могут быть яркими. Они могут быть странными, а иногда они могут быть довольно простыми и скучными.

Кеннет Бейли, поэт, возможно, я думаю, дает лучшее определение притчи, которое я когда-либо слышал. Он назвал их воображаемыми садами с настоящими жабами в них. Мне это нравится.

Мне нравится идея воображаемых садов с настоящими жабами в них, потому что я думаю, что это создает в моем сознании картину того, что такое притча, и именно это притча пытается сделать, а именно создать в сознании аудитории что-то одновременно вымышленное и воображаемое, но в то же время и истинное. Притчи призваны побуждать к размышлениям и размышлениям. Это одна из вещей, которые мы видим в притчах.

Это не простые басни, но они вызывают ответ. Они хотят стимулировать и побуждать к действию, в частности, к действию по отношению к Богу или Иисусу. Мы видим это на протяжении притч.

Другими словами, они заставляют. И поэтому я возвращаюсь к этой идее притч как расширенной аналогии, используемой для убеждения или убеждения. Как аналогия, имеет смысл, что они могут легко стать аллегорическими.

Есть некое соответствие между тем, что говорится, и тем, что желают узнать. У вас есть разные типы притч. У вас есть подобию, расширенные сравнения и малое развитие сюжета в них.

Они, как правило, прямолинейны. Некоторые притчи — это очень вопросительные притчи, где вся притча — это вопрос. Кто из вас и т. д. — часто является формой, которую такая притча могла бы задействовать.

И эти вопросительные притчи заставляют читателя отвечать на вопрос, часто нет. Нет, я бы не поступил как человек в этой притче. Есть притчи более обширные, с сюжетами, повествующие о конкретном событии, и часто создающие проблему или возможность.

Обычно есть диалог, который указывает, где начинается развязка. Некоторые притчи очень сильно скрывают свою ссылку. Другими словами, притча рассказывается таким образом, что только в конце читатели получают

самоосуждение того, что было рассказано, но они не осознают до самого конца, что они, по сути, сами себя судят.

Существует множество других типов притч. Очень распространенным типом является тип «сколько больше», который был распространен как в учении Иисуса, так и в иудаизме Второго Храма.

Это как много больше, чем Бог типа притчи. Когда мы смотрим на это с определениями притчи, нам просто нужно осознать, что то, что можно было бы назвать притчей, не имеет очень конкретной формы. Притчи существуют в очень разных структурах.

Итак, каждая притча, во многих отношениях, должна стоять сама по себе. Это не значит, что мы не можем определить какие-либо характеристики притч. Некоторые вещи, которые мы можем сказать о многих притчах, это то, что они часто кратки, иногда даже лаконичны.

Он часто исключает ненужные детали. Притчи очень тонкие, если хотите, даже в больших историях. В притчах нет плотного повествования.

Мотивы редко даются. Редко мы узнаем причину, по которой определенные персонажи в притче действуют так, как они действуют, хотя иногда мы ее получаем. Они отмечены простотой.

Редко, если вообще когда-либо, в одной сцене присутствуют более двух групп или двух людей. Обычно это очень простая структура, часто сбалансированная. Притчи в основном сосредоточены на людях, в отличие, например, от басен Эзопа, где главную роль, как правило, играют животные.

Притчи, по большей части, будут сосредоточены на людях. И именно эта человечность делает их полезным зеркалом для людей. Они вымышлены, но они из повседневной жизни.

Конечно, в ней могут быть некоторые псевдореалистичные элементы, некоторые экстремальные элементы, которые являются частью истории. Я думаю, что одна из ключевых вещей в толковании притч — это попытка найти вопрос, который подразумевается и на который эта притча пытается ответить. Так, например, когда притча начинается со слов: Царство Божие подобно... Какой вопрос движет этим ответом? Мы немного поговорим об этом, рассматривая некоторые притчи Марка.

Притчи часто несут в себе элементы неожиданности или переворота. Однако, чтобы увидеть неожиданность, нужно знать исторический контекст. Часто момент неожиданности исходит из контекста, в котором он рассказывается.

Очень часто решающий момент находится в конце. Если вы хотите узнать, где кульминация притчи, то обычно она наступает ближе к концу. Притчи Иисуса почти всегда теоцентричны относительно Бога и Его Царства.

В нем часто будет аллюзия на Ветхий Завет. Часто притчу лучше всего понимать целиком, а не по отдельным частям, особенно если я вернусь к идее, что Царство Божие подобно притчам. Ошибка, которая часто совершается при толковании этих притч, заключается в том, что затем начинают аллегорически толковать всех отдельных людей, когда на самом деле это смысл всего.

Царство Божие подобно женщине, которая, знаете ли, потом заполняет, которая теряется, ищет и лихорадочно находит. И поэтому мы не хотим говорить, ну, жемчужина представляет это, женщина представляет это, дом представляет это. Это полная картина того события, вот что такое Царство Божие.

В притчах есть точность. В них есть пределы. Мы должны быть очень осторожны, заполняя то, что, как мы могли подумать, пропущено.

Притчи не хотят, чтобы мы навязывали им реальное время. Мы должны быть очень осторожны, думая о притче, говоря, что должен был пройти промежуток времени между тем, когда слуга мог добраться туда и доложить обратно и вернуться, и вдруг мы начинаем придавать большое значение тому, что было упущено вместо того, что было сказано. И я часто думаю, что в конце концов мы должны осознать, что притчи являются элементом обучения Иисуса.

Это чрезвычайно полезно, потому что тогда предполагается, что мы можем найти связи между тем, что Иисус сказал в своих непараболических высказываниях, и притчами, что они должны совпадать друг с другом. И поэтому, если мы находим толкования притч, которые имеют мало или вообще не имеют связи с любым из учений Иисуса, мы, вероятно, находимся на деликатной, опасной почве с точки зрения толкования притч, опять же, предполагая, что Иисус был последовательным учителем. Это всего лишь несколько элементов, о которых я просто хотел, чтобы мы немного подумали, когда мы углубляемся в притчи, притчи, которые могут казаться такими простыми, но также и такими проблематичными.

Итак, когда мы смотрим на Марка главу 4, в которой у нас есть коллекция притч, я хочу немного взглянуть на Марка 4, с 1 по 20, а затем на пару притч с 21 по 34. Я не собираюсь разбирать каждую из них, но хочу дать нам представление о том, как притчи работают в учении Иисуса. Я хочу отметить лишь несколько основных моментов.

Итак, позвольте мне начать с Притчи о сеятеле, которая, кстати, я всегда считал неправильным названием. Она имеет меньшее отношение к сеятелю, чем к почве, но все издатели в истории церкви называли ее притчей о сеятеле, и поэтому мы придерживаемся этого. Опять же, Иисус начал учить у озера.

Толпа собралась вокруг него так много, что он сел в лодку и поставил ее на озере, в то время как люди, которые были вдоль берега, у кромки воды. Это в первом стихе, и это согласуется с тем, что мы видели в Евангелии от Марка, что является популярностью как учителя. Поэтому, установка этого учения согласуется с тем, что мы знаем.

И вот тут мы подходим к его первым кратким утверждениям. Он учил их многому притчами, и в своем учении сказал: послушайте, вышел земледелец сеять семя свое; и когда он разбрасывал семя, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали его. Иное упало на каменистые места, где было немного земли.

Оно быстро взошло, потому что почва была неглубокая, но когда взошло солнце, растения были опалены, и они засохли, потому что у них не было корня. Другие семена упали среди терний, которые выросли и заглушили растения, так что они не дали зерна. Еще другие семена упали на добрую почву.

Оно взошло и выросло и дало урожай, умножившись в 30, 60 или даже в 100 раз. Первые восемь стихов. Итак, первые восемь стихов здесь описывают падение семени на разные почвы.

Интересно. Много времени тратится на то, чтобы выяснить, как именно это отражает палестинскую сельскохозяйственную практику или нет. И снова, я думаю, что есть небольшая попытка втиснуть то, что является явной аналогией, и то, что описывает падение семян на подготовленную и неподготовленную почву.

И смысл притчи тогда в этом вопросе внешних условий. Обратите внимание, это то же самое семя, это тот же самый сеятель, единственная переменная — это то, куда падает почва. Стих девятый, урожай.

Я нахожу это интересным. Это не абсурдный урожай, это 30, 60 или даже 100 раз. Это, безусловно, обильный урожай.

Это немного напоминает мне Бытие 26, 12, где Господь благословляет Исаака обильным урожаем во сто крат. И поэтому, возможно, там даже есть намек или отголосок. Но затем очень интересно, что после этой притчи, в стихе девятом Иисус сказал: имеющий уши слышать, да слышит.

Это напоминает Иеремию 5:21 и Иезекииля 12:2, где говорится, что народ Израиля имеет глаза, но не видит, и имеет уши, но не слышит. Теперь значение этого утверждения широко обсуждается, и в целом есть два варианта. То, что любой, имеющий уши, каждый, должен обращать внимание и отвечать? Или это любой, кому даны уши, духовные уши, должен слушать? И даже Марк не так ясно говорит о том, какой из этих вариантов обязательно.

С одной стороны, контекст этого — для толпы. Он говорит со всеми. Он делает это заявление для всех.

Однако в стихах 11 и 12 он говорит о том, как ученикам дана тайна Царствия и Бога, но тем, кто снаружи, все сказано в притчах, что может указывать на то, что, возможно, есть духовное восприятие. Достаточно интересно, что когда мы смотрим на отрывки из Иеремии и Иезекииля, в них также есть смысл того, что люди должны были бы реагировать, но не отвечают.

Это больше соответствует тому, что все должны слушать это, а также почти преднамеренной скрытности, которая создается, и, возможно, мы были бы неправы, если бы слишком сильно в это вдавались. Я думаю, что смысл отрывка здесь в том, что есть этот призыв к толпам, если вы должны слышать это и отвечать, что есть смысл, что все должны слушать. Мы снова просматриваем здесь стих 10, когда он был один, поэтому снова не в толпе, сцена изменилась.

12, о которых мы уже говорили, это те 12, о которых Иисус молился, а затем рассмотрел и выбрал для себя и других вокруг него. Итак, у вас есть 12 и другие, которые указывают на последователей Иисуса, которые не были 12, спрашивали его о притчах. Он сказал им, что вам дана тайна или тайна Царствия Божьего, но тем, кто снаружи, все говорится в притчах.

И затем он приводит причину, о которой я расскажу через секунду. Но заметьте, что здесь интересно, когда мы говорим о секретах, это не идея чего-то таинственного или странного. Когда Новый Завет говорит о том, что тайна или тайна раскрываются, это о чем-то, что Бог держал в тайне, а теперь становится открытым.

Павел, например, обычно ссылается на что-то, что было скрыто в Ветхом Завете, но теперь раскрывается как точное и истинное. А именно, например, евангелие, идущее к народам. В чем заключается секрет, который раскрывается здесь в Марке, который есть Царство Божье, так это в том, что пришествие Иисуса есть пришествие Царства Божьего.

Это тайна, которая сейчас раскрывается. И ученикам это ясно и ясно сказано. Есть различие.

Мы получаем это постоянное различие между 12-ю, учениками и аутсайдерами. Мы видели это у Марка. Вам дана тайна Царствия Божия, но для тех, кто снаружи, все сказано в притчах.

И поэтому, даже в учении, Иисус собирается дать некое толкование, которое уникально даруется 12 и окружающим. И затем он дает, возможно, одно из самых спорных утверждений о притчах в Евангелиях. Так что, стих 12, они могут вечно видеть, но никогда не воспринимать, и вечно слышать, но никогда не понимать. В противном случае они могли бы обратиться и быть прощены.

Теперь, этот язык напоминает Исайю, главу 6, стихи с 9 по 10. И спор заключается в том, вопрос в том, говорит ли Иисус притчами, чтобы намеренно не дать чужакам стать своими? Однако, когда мы смотрим на ссылку Исайи, я думаю, это помогает нам понять, как Иисус намеревался использовать этот отрывок. В Исайи с 5 по 6, контекст есть суд, который грядет на Израиль, потому что, и есть притча, которая даже рассказана в Исайи, аллегория виноградника, потому что Израиль не смог произвести плод, потому что они уже продемонстрировали отвержение Бога.

Бог лишил их своей защиты, и теперь ассирийцы стали агентами Божьего суда над Израилем. Предупреждения Исайи тогда не будут услышаны по двум причинам. Во-первых, из-за уже продемонстрированной неверности Израиля.

И во-вторых, потому что теперь их неверность становится средством Божьего суда против них. Итак, мы видим здесь, что Бог и отвечает в Исае на отвержение Израиля, и затем укрепляет их отвержение, чтобы достичь своей цели и суда. Мы уже немного говорили об этой идее у Марка, с идеей ожесточения из более раннего Евангелия, связанного с фараоном, конечно, как с классическим примером.

Он был ожесточён, у него был ожесточённый, упрямый ответ, а затем его ответ был закреплён, чтобы позволить суверенному плану Бога быть продемонстрированным, чтобы позволить Богу быть продемонстрированным как тому, кто выводит свой народ из рабства. Так что, я думаю, здесь, во многих отношениях, слова Иисуса являются заявлением суда, которое является результатом отвержения его, что он говорит притчами к группе, которая, особенно если это рассматривать с точки зрения религиозного руководства, в том смысле, с которым также работает отрывок из Исайи, к группе, которая уже отвергла его. Мы видели это ранее в споре о Вельзевуле.

Теперь это отвержение становится застывшей реальностью, которая будет частью Божьего замысла. Отвержение религиозных лидеров Израиля является частью пути к кресту, и поэтому вы даже видите, как это разыгрывается. И поэтому, я думаю, когда мы рассматриваем этот очень сложный отрывок о том,

почему Иисус говорит притчами, в нем есть эта идея сначала продемонстрировать, кто на самом деле отвечает положительно.

Притчи вызывают желание знать. Мы видим это в учениках, где ученики спрашивают, и они хотят знать, что означают притчи. Таким образом, притчи вызывают ответ, который либо направлен в сторону Иисуса, либо против Иисуса.

Мы увидим, что это становится все более и более глубоким. Но также и то, что притчи являются еще одним способом Иисуса вынести приговор нынешнему религиозному руководству, что сродни тому, что делали пророки. И Иисус говорит об этом в Евангелии от Марка, часто сравнивая религиозное руководство и свой народ с теми, кто отверг Бога в истории Израиля.

И вот Иисус задает вопрос двенадцати и тем, кто с ними: неужели вы не понимаете этой притчи? Как же вы поймете какую-либо притчу? Я думаю, они даже подчеркивают невежество со стороны учеников, которые все еще не понимают, что именно говорится, что мы увидим на протяжении всего Евангелия от Марка. Затем он приступил к объяснению. Земледелец сеет слово.

Одни — как семена при дороге, где сеется слово: как только они услышат, приходит сатана и похищает посеянное в них слово; другие — как семя, посеянное на каменистых местах: они слышат слово и тотчас с радостью принимают его.

Но как они не имеют корней, то существуют недолго. Когда настанет скорбь или гонение за слово, то они скоро исчезают. Так что другие, как семена, посеянные в тернии, слышат слово.

Но заботы века сего, обольщение богатством и другие желания приходят и заглушают слово, делая его бесплодным. А иные, как семя, посеянное на доброй земле, слышат слово, принимают его и производят урожай в тридцать, шестьдесят и даже сто крат против посеянного. Я не буду перечислять все различные мысли там.

Объяснение кажется довольно ясным. Но заметьте, это ответ на вопрос, почему люди принимают, отвергают или находятся где-то посередине учения Иисуса. И таким образом Иисус создает картину того, что здесь происходит, что вина не в сеятеле и вина не в семени.

Это почва, которая определяет реакцию. Некоторые из различных описаний затем создают картину, пытаюсь объяснить, почему не все следуют за Иисусом, почему некоторые следуют за Иисусом сначала с большим энтузиазмом, а затем отпадают, когда приходят трудности. Я считаю, что здесь есть намек, немного

того, чего мы можем ожидать от учеников: что они принимают с радостью, но затем, когда приходят трудности, они колеблются.

Мы увидим это не только в Страстях, но и на протяжении всего. И тогда, в конечном счете, свидетельством хорошей почвы является устойчивый плод, который в этой идее будет верностью и преданностью. Затем мы переходим к стихам 21-34.

Мы получаем серию притч. Я не буду сейчас перечислять их все. Я просто хочу выделить несколько.

Давайте, может быть, посмотрим на 4:21-22. И сказал им: разве вы приносите свечу, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? Вместо этого вы ставите ее на подсвечник? Ибо все тайное должно стать явным, и все сокровенное должно стать явным. Кто имеет уши слышать, да слышит.

Опять же, я возвращаюсь к этому утверждению. Одна вещь, которая, как мне кажется, здесь интересна, это то, как работает притча о светильнике на подставке в Евангелии от Марка. Это немного отличается от Евангелия от Луки.

В Евангелии от Луки цель скрытых вещей в том, чтобы они однажды стали явными. Другими словами, акцент в Евангелии от Луки делается на том, что то, что скрыто сейчас, однажды станет явным. Здесь, на самом деле, говорится о цели сокрытия вещей.

Это было так, потому что все, что скрыто, должно быть раскрыто. Итак, в притче Марка есть эта идея, о которой говорит Иисус, это божественное намерение скрыть вещи, чтобы они могли быть раскрыты. Есть цель в том, чтобы держать вещи скрытыми.

И эта цель — реальность откровения. И это не значит, что Лука и Марк обязательно не согласны друг с другом. Это значит показать, мог ли Иисус, как я считаю, использовать притчи, похожие притчи, по разным причинам, разными способами.

Стихи 31-32 — это очень, очень известная притча. Может быть, мы продолжим ее в стихе 30. И еще, сказал он, чему подобно Царствие Божие? Или какую притчею описать его? Оно подобно горчичному зерну, которое есть наименьшее семя, которое сеешь в землю.

Но когда его сажают, оно становится самым большим из всех садовых растений, с такими большими ветвями, что птицы небесные могут сидеть в его тени. И поэтому возникает вопрос, о чем это? Царство Божие похоже на одну из тех

картинных притч. Ну, акцент, я думаю, не на размере, которым оно становится, хотя есть язык о ветвях и птицах небесных.

Это была бы очень, очень странная притча, если бы она говорила о том, насколько великим будет Царство Божье. Потому что если бы вы оглянулись вокруг и посмотрели на куст размером с горчичное семя или даже на дерево размером с горчичное семя, оно бы померкло по сравнению с размером большого кедра. И я думаю, что притча, если бы она подчеркивала размер и величие Царства Божьего, это был бы, возможно, более вероятный выбор.

Итак, то, что здесь подчеркивается, на самом деле является наименьшей природой его начал. Обратите внимание, что Царство Божие подобно горчичному зерну, которое является наименьшим из семян. И люди придирались к этому с научной точки зрения.

Они говорят, ну, технически это не самое маленькое семя. Разве Иисус не прав? Разве он не знает своих семян? И дело не в этом, не в точности, а в признании того, что горчичное семя было чрезвычайно малым семенем. Итак, эта притча представляет картину неблагоприятного начала Царства Божьего.

Царство Божие подобно горчичному растению, которое начинается с самых малых путей, которые мы, конечно, уже видели, а затем растет и продолжает расти. И есть органическая связь. Наконец, в главе 4, притчи, стихи 33 и 34, мы получаем итоговое утверждение.

С помощью многих подобных притч Иисус говорил им слово, насколько они могли понять. Он ничего не говорил им, не используя притчу. Это говорит, я думаю, о важности притч в его учении.

Но когда он был один со своими учениками, он объяснил все. И вот есть это притчевое учение, которое идет ко всем, но к ученикам приходит объяснение притч. Мы закончим с оставшейся частью главы 4 и Марком в следующий раз.

Спасибо.

Это доктор Марк Дженнингс в своем учении по Евангелию от Марка. Это сессия 8 по Марку 4:1-34, О притчах.